

Екатерина Маркова

«Я ЛЮБЛЮ ДРУГУЮ...»

Свет такой таинственный,
Словно для единственной —
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.

С. Есенин

Трудно найти у Сергея Есенина стихи не о любви. Любовь — мироощущение Есенина. Он явился на свет, чтобы любить, жалеть и плакать над каждым теленочком, сломанной березой, деревней, раздавленной стальными дорогами городов...

Его любовь к Земле, родившей каждое деревце — чувственна. Под небом, обнимающим землю, березка задирает юбку... Всеохватность эротического чувства, доходящего до религиозного чувства... Есенин чужд пантеизму, он православный крестьянин, только христианство его — на вольном ветре рязанщины, другое. Правую щеку он подставляет пурге, урагану. Жа-

лость — разлита в его творчестве, жалость к каждому кобелю...

Гораздо меньше у Есенина стихов, обращенных к женщине. В этих стихах Сергей Есенин как бы перебарывает свою природу. В деревне не принято, глубоко, исторически не принято, выказывать свои чувства... От невесты до жены — расстояние как от неба до земли.

Он не мог бы, например, подобно Блоку, назвать Русь женой, для крестьянского уха — это почти кощунственно по отношению к Родине...

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят.

Ну, и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас?
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень...

Есенин сравнивает женщину с хитроумной лисой, ему ближе и понятней лиса, чем женщина. В деревне все ясно, вот девушка-невеста, ее век краток, как ранняя весна. А вот — мать

семейства, быстро теряющая молодые черты в круговых заботах о доме. Невеста – это девство в самом сакральном смысле этого слова. Мариенгоф пишет в своей книге: «Зинаида (Райх, мать двоих детей Есенина. — *Е. М.*) сказала ему, что он у нее первый. И соврала. Этого – по-мужицки, по темной крови, не по мысли – Есенин никогда не мог простить ей. Трагически, обреченно не мог... Всякий раз, когда Есенин вспоминал Зинаиду, судорога сводила его лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулак: «Зачем соврала, гадина!»

В городе, да еще начала XX века, да еще в божественной среде, невестой остаются чуть не на всю жизнь. Манящей, ищущей жениха, но невестой скорее от лукавого...

Поэтический дом Есенина расширен до мироздания, где «в уши сыпятся звезды... вода есть символ очищения и крещения во имя нового дня».

Муза Есенина помнит «тайну древних отцов вытираться листвою... долг жизни по солнцу», «отношение к вечности, как к родительскому очагу» — в этом благословение жизни для Есенина. Такова его «избяная Литургия».

Другое, чуждое его миропорядку, восприятие, душа Есенина не приемлет и не смирится с ним. Его бунт — в самоистреблении, бунт не просто против стальной конницы, бунт этот против разрушенного мироздания, созданного предками...

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленочек маленький матке
Зеленое вымя сосет.

Стихи 1910 года, написанные в 15 лет, Есенин таким оставался до могилы... Он никак не мог жить взрослой прагматичной жизнью, по Есенину, для души — это гроб. Его проклятья в адрес женщин происходят от великой любви, от недостижимого, созданного еще в ранней юности воображением поэта Образа...

Сыпь, гармоника. Сука... скука...
Гармонист пальцы льет волной.
Пей со мной, паршивая сука,
Пей со мной.

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Али в морду хошь?

В огород бы тебя на чучело,
Пугать ворон.
До печенок меня замучила
Со всех сторон.

Сыпь, гармоника. Сыпь, моя частая.
Пей, выдра, пей.
Мне бы лучше вон ту, сисястую, —
Она глупей...

Но вот конец стихотворения, —

К вашей своре собачей
Пора простыть.
Дорогая, я плачу,
Прости...прости...

В глубоко чуждом, где чиста только гармонь, которая становится одушевленной, поэт, прозревая святую женскую природу, говорит: «Дорогая, я плачу...»

Если перенестись во времени и пространстве, вспоминается знаменитая сцена с Марлоном Брандо в фильме «Последнее танго в Париже», где герой посылает проклятья уже во гроб своей любимой, но изменявшей жене...

У Есенина скандал — почти всегда Плач, тот самый народный Плач, с заглавной буквы...

В детстве, первую свою влюбленность (это была Анна Сардановская), он пережил словно гётевский Вертер — трагично, напился искусной эссенции, но испугался и выпил много молока... Анна — это дочь родственников константиновского священника, которые приезжали на лето. Два лета девочка увлечена была поэтическим Сергеем с конфетной внешностью Леля, они уже считались женихом и невестой, а на третье — выросла выше крестьянского мальчишки и влюбилась в другого...

В эти годы написано:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет...

Любовь – это слишком больно... Сергей Есенин, похоже, решил заглушить в себе самую возможность влюбиться – эта боль не совмещалась с желанием стать известным поэтом...

В Москве он сошелся с нелюбимой, но замечательно чуткой и культурной барышней Анной Изрядновой, родился сын... Есенин презирал себя за нелюбовь, за некий расчет в этих отношениях, что никак не вписывалось в его понятия о чести... «Мое я – это позор личности. Я выдохся, изолгался и, можно даже с успехом говорить, похоронил или продал свою душу черту, – и все за талант. Если я поймаю и буду обладать намеченным мною талантом, то он будет у самого подлого и ничтожного человека, – у меня...Если я буду гений, то вместе с этим буду поганым человеком...» – пишет он своему другу Марии Бальзамовой. Подпись в письме – «прохвост Сергей Есенин».

Душа нуждалась в покаянии... Город, украшенный полупустыми, осмеянными церквями, мог дать только богемную среду да откровения в «Бродячей собаке»...

С неприкаянностью медведя-шатуна, разбуженного от прекрасного сна слиянности с природой, он разрушал чужие жизни, жизни женщин, любивших его. Скоропалительная женитьба на Зинаиде Райх, которую он оставил в конце концов с двумя детьми, оставил в пожизненной растерянности и недоумении... Увле-

ченность Айседорой Дункан, связанная с экзотичностью отношений. В возрасте уже танцовщица с мировым именем испытывала к нему материнские чувства...

Что-то похожее на первую любовь проявилось к актрисе Августе Миклашевской, но ее спас, по-видимому, платонизм любви Есенина...

Любовная лирика Есенина – собирательная, она посвящена какой-то другой, не встреченной женщине...

Лидия Кашина, соседская дочь толстосума, замужняя с двумя детьми, считается прообразом Анны Снегиной. Но в поэме просвечивают черты и Анны Сардановской и других... Не встретил Есенин на земле среди женщин ни одной, своей, подобно создателю Экклезиаста...

Любовь Есенина – из другого измерения. В этом загадка его неслыханной популярности. До сих пор на его могиле ночуют бродяги и читают перевирая: «И глухо, как от подачки,/ Когда бросят ей камень в смех,/ Покатились глаза собачьи /Золотыми звездами в снег...»

А сколько подражателей. В избах, в камерах тюрем и просто за студенческой скамьей Литинститута... У сердца – наколка «Не жалею, не заву, не плачу»... Есенин случаен в плеяде поэтов, даже самых лучших. Он другой, он – внуче Велесов.

Подобно двум следователям (добрый и злой), большевицкие главари то кнутом буха-

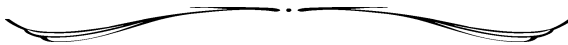
ринских статей, то пряником пытались приручить Душу России, они чувствовали, что выразитель ее именно Есенин. Не приручив – расправились... Жизнь Есенина – суть притча о судьбе России.

В северных губерниях про ненастье говорят:

Волцы задрали солнечко.

ПОДРАЖАНЬЕ ПЕСНЕ

Ты поила коня из горстей в поводу,
Отражаясь, березы ломались в пруду.

Я смотрел из окошка на синий платок,
Кудри черные змейно трепал ветерок.

Мне хотелось в мерцании пенистых струй
С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй.

Но с лукавой улыбкой, брызнув на меня,
Унеслася ты вскачь, удилами звеня.

В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудился тихий раскованный звон.

[1910]

* * *

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
Сядем в копны свежие под соседний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
Хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
Унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
Есть тоска веселая в аlostях зари.

[1910]

* * *

Дымом половодье
Зализало ил.
Желтые поводья
Месяц уронил.

Еду на баркасе,
Тычусь в берега.
Церквами у прясел
Рыжие стога.

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

Роща синим мраком
Кроет голытьбу...
Помолось украдкой
За твою судьбу.

[1910]

* * *

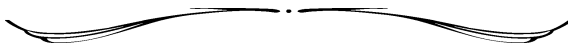
Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы, —
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птахи, в лесу.
По полю зыбистым бегом
Пеной я цвет разнесу.

[1910]

* * *

Под венком лесной ромашки
Я строгал, чинил челны,
Уронил кольцо милашки
В струи пенистой волны.

Лиходейная разлука,
Как коварная свекровь.
Унесла колечко щука,
С ним — милашкину любовь.

Не нашлось мое колечко,
Я пошел с тоски на луг,
Мне вдогон смеялась речка:
«У милашки новый друг».

Не пойду я к хороводу:
Там смеются надо мной,
Повенчаюсь в непогоду
С перезвонною волной.

[1911]

* * *

Хороша была Танюша, краше не было в селе,
Красной рюшкою по белу сарафан на подоле.
У оврага за плетнями ходит Таня ввечеру,
Месяц в облачном тумане водит с тучами игру.

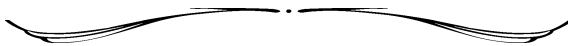
Вышел парень, поклонился кучерявой головой:
«Ты прощай ли, моя радость, я женюся на другой».
Побледнела, словно саван, схолодела, как роса.
Душегубкою-змеею развилась ее коса.

«Ой ты, парень синеглазый, не в обиду я скажу,
Я пришла тебе сказаться: за другого выхожу».
Не заутренние звоны, а венчальный переклик,
Скачет свадьба на телегах, верховые прячут лик.

Не кукушки загрузили — плачет Танина родня,
На виске у Тани рана от лихого кистеня.
Алым венчиком кровинки запеклися на челе, —
Хороша была Танюша, краше не было в селе.

[1911]

* * *

Темна ноченька, не спится,
Выйду к речке на лужок.
Распоясала зарница
В пенных струях поясок.

На бугре береза-свечка
В лунных перьях серебра.
Выходи, мое сердечко,
Слушать песни гусяра.

Залобуюсь, загляжусь ли
На девичью красоту,
А пойду плясать под гусли,
Так сорву твою фату.

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы купыри,
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.

МОЯ ЖИЗНЬ

Будто жизнь на страдания моя обречена;
Горе вместе с тоской заградили мне путь;
Будто с радостью жизнь навсегда разлучена,
От тоски и от ран истомилась грудь.

Будто в жизни мне выпал страдания удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от тоски и от горя.

Даль туманная радость и счастье сулит,
А дойду – только слышатся вздохи да слезы,
Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные, сладкие грезы.

Догадался и понял я жизни обман,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни страданиям, ни горю.

1911–1912

ЧТО ПРОШЛО – НЕ ВЕРНУТЬ

Не вернуть мне ту ночку прохладную,
Не видать мне подруги своей,
Не слышать мне ту песню отрадную,
Что в саду распевал соловей!
Унеслася та ночка весенняя,
Ей не скажешь: «Вернись, подожди».
Наступила погода осенняя,
Бесконечные льютя дожди.
Крепким сном спит в могиле подруга,
Схороня в своем сердце любовь.
Не разбудит осенняя вьюга
Крепкий сон, не взволнует и кровь.
И замолкла та песнь соловьиная,
За моря соловей улетел,
Не звучит уже более, сильная,
Что он ночкой прохладною пел.
Пролетели и радости милые,
Что испытывал в жизни тогда.
На душе уже чувства остывшие.
Что прошло – не вернуть никогда.

1911–1912

* * *

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

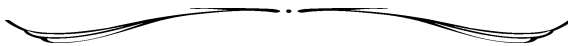
Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза.

То не зори в струях озера свой выткали узор,
Твой платок, шитьем украшенный, мелькнул
за косогор.

Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Пусть послушает красавица прибаски жениха.

[1910–1912]

* * *

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погодала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора, —
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой, —
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по берегу грустна,
Ткет ей саван нежнопенная волна.

УЗОРЫ

Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копыя и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых – красные цветы.
Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный – принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.
Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.
Траурные косы тучи разметали.
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.

1914

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Екатерина Маркова.</i> «Я люблю другую...»	5
--	---

СТИХОТВОРЕНИЯ

Подражание песне	15
«Выткался на озере алый свет зари...» . . .	16
«Дымом половодье...»	17
«Сыплет черемуха снегом...»	18
«Под венком лесной ромашки...»	19
«Хороша была Танюша, краше не было в селе...»	20
«Темна ноченька, не спится...»	21
Моя жизнь	22
Что прошло — не вернуть	23
«Заиграй, сыграй, тальяночка...»	24
«Зашумели над затоном тростники...» . . .	25

Узоры	26
Девичник	27
«Не бродить, не мять в кустах багряных...»	28
«Опять раскинулся узорно...»	30
«Белая свитка и алый кушак...»	32
«Я по первому снегу бреду...»	34
«Вот оно, глупое счастье...»	35
«Гаснут красные крылья заката...»	36
«Зеленая прическа...»	38
«Закружилась листва золотая...»	40
«Не жалею, не зову, не плачу...»	41
«Я обманывать себя не стану...»	42
«Сыпь, гармоника. Скука... Скука...»	44
«Мне осталась одна забава...»	46
«Заметался пожар голубой...»	48
«Ты такая же простая, как все...»	50
«Пускай ты выпита другим...»	52
«Дорогая, сядем рядом...»	54
«Мне грустно на тебя смотреть...»	56
«Ты прохладой меня не мучай...»	58
«Вечер черные брови насопил...»	60

«Я усталым таким еще не был...»	62
«Мы теперь уходим понемногу...»	64
«Отговорила роща золотая...»	66
Сукин сын	68
Письмо к женщине	70
Персидские мотивы	
«Улеглась моя былая рана...»	74
«Я спросил сегодня у менялы...»	76
«Шаганэ ты моя, Шаганэ!..»	78
«Ты сказала, что Саади...»	80
«Никогда я не был на Босфоре...»	81
«Свет вечерний шафранного края...»	83
«Воздух прозрачный и синий...»	85
«Золото холодное луны...»	87
«В Хороссане есть такие двери...»	89
«Голубая родина Фирдуси...»	91
«Быть поэтом — это значит то же...»	93
«Руки милой — пара лебедей...»	95
«Отчего луна так светит тускло...»	97
«Глупое сердце, не бейся...»	98
«Голубая да веселая страна...»	101

Батум	103
Собаке Качалова	107
Песня	109
«Ну целуй меня, целуй...»	111
«Синий май. Заревая теплынь...»	113
«Вижу сон. Дорога черная...»	115
«Видно, так заведено навеки...»	117
«Каждый труд благослови, удача!..»	119
«Я помню, любимая, помню...»	121
«Листья падают, листья падают...»	122
«Гори, звезда моя, не падай...»	124
«Над окошком месяц. Под окошком ветер...»	126
«Жизнь — обман с чарующей тоскою...»	127
«Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело...»	129
«Я красивых таких не видел...»	130
«Ты запой мне ту песню...»	132
«В этом мире я только прохожий...»	134
«Эх вы, сани! А кони, кони!..»	135
«Снежная замять дробится и колется...»	137

«Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся...»	139
«Голубая кофта. Синие глаза...»	140
«Снежная замаять крутит бойко...»	141
«Вечером синим, вечером лунным...»	142
«Не криви улыбку, руки беребя...»	143
«Плачет метель, как цыганская скрипка...»	144
«Свищет ветер, серебряный ветер...»	145
«Цветы мне говорят — прощай!..»	147
Цветы	149
«Клен ты мой опавший...»	154
«Какая ночь! Я не могу...»	155
«Не гляди на меня с упреком...»	157
«Ты меня не любишь, не жалеешь...»	159
«Может, поздно, может, слишком рано...»	161
«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...»	163

ПОЭМЫ

Анна Снегина	167
Черный человек	196